

УДК 32.019.5:316.77:004.738.5

DOI: 10.34670/AR.2026.28.36.001

Конструирование доминирующих нарративов в цифровой публичной сфере России

Брун Михаил Евгеньевич

Аспирант факультета политических и социальных наук,
Российский государственный социальный университет,
129226, Российская Федерация, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4/1;
e-mail: brun.mihail@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию механизмов конструирования доминирующих нарративов в российской цифровой публичной сфере как результата взаимодействия множественных акторов: государственных институтов, медийных структур и виртуальных сообществ. Актуальность работы определяется противоречием между декларируемой горизонтальностью сетевого взаимодействия и реальными механизмами воспроизводства доминирующих смыслов в условиях цифровизации политической коммуникации. В отличие от анализа государственной кооптации, фокус смещён на общую экологию производства политических смыслов. Цель исследования состоит в выявлении и систематизации механизмов конструирования доминирующих нарративов с учётом институциональных, технологических, дискурсивных и общественных факторов. Методологическая основа интегрирует концепцию символической власти П. Бурдьё, критический дискурс-анализ Т. ван Дейка и теорию медиа М. Маклюэна. В результате анализа выделяются четыре взаимосвязанных уровня конструирования нарративов: институциональный (регулирование платформ и правовые ограничения), технологический (алгоритмическая логика и детекстуализация интернета), дискурсивный (организация информационного потока и ценностно-политические триггеры) и общественный (практики виртуальных сообществ как соавторов контента). Предложена типология доминирующих нарративов российской цифровой публичной сферы: патриотический, прозападный, критический и обывательский дискурсы. Показано, что российская специфика определяется гибридностью политической системы, особой ролью государственного регулирования и трансформацией цифровой публичной сферы в условиях геополитического противостояния. Полученные результаты могут быть использованы для анализа конкретных политических кейсов и прогнозирования динамики общественного мнения в цифровом пространстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Брун М.Е. Конструирование доминирующих нарративов в цифровой публичной сфере России // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 2А. С. 5-16. DOI: 10.34670/AR.2026.28.36.001

Ключевые слова

Доминирующие нарративы, цифровая публичная сфера, политический дискурс, символическая власть, виртуальные сообщества, социальные медиа.

Введение

Трансформация публичной сферы под воздействием цифровых технологий представляет собой один из наиболее динамичных процессов современного политического развития. Специфика российского контекста определяется не столько технологическими характеристиками цифровой среды, сколько особенностями взаимодействия государственных институтов, медийных структур и сетевых сообществ в процессе формирования политических смыслов. Нарративы, циркулирующие в цифровом пространстве, перестали быть простым отражением институциональных дискурсов, превратившись в самостоятельный фактор политической коммуникации.

Проблематизация темы связана с противоречием между декларируемой горизонтальностью сетевого взаимодействия и реальными механизмами воспроизводства доминирующих смыслов. Цифровая публичная сфера порождает иллюзию демократизации политического дискурса, однако структурные характеристики платформ и институциональные ограничения создают условия для концентрации символической власти [Баринов, 2016, 756]. Вопрос о том, каким образом конструируются и поддерживаются доминирующие нарративы в условиях множественности информационных потоков, остаётся недостаточно изученным в российской политологической литературе.

Степень разработанности проблемы демонстрирует неравномерность исследовательского внимания. Западные концепции публичной сферы Ю. Хабермаса рассматривали цифровые коммуникации через призму демократизации доступа, однако их применимость к незападным контекстам ограничена. Российские исследователи обращают внимание на специфические механизмы контроля информационных потоков [Мартьянов, Лукьянова, 2023], однако систематический анализ конструирования доминирующих нарративов с учётом кросс-платформенной специфики остаётся фрагментарным. Исследование опирается на синтез критического дискурс-анализа [Ван Дейк, 2013], концепции символической власти П. Бурдьё и сетевой парадигмы политической коммуникации.

Цель исследования состоит в выявлении механизмов конструирования и воспроизводства доминирующих нарративов в российской цифровой публичной сфере с учётом институциональных, технологических и дискурсивных факторов. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: операционализировать понятие доминирующего нарратива применительно к цифровой среде; проанализировать структурные характеристики платформ, определяющие условия производства политического дискурса; выявить типологию механизмов конструирования и циркуляции нарративов; рассмотреть специфику российского контекста, влияющую на процессы формирования политических смыслов.

Теоретико-методологические основания

Методологический фундамент исследования базируется на интеграции нескольких теоретических подходов, позволяющих схватить многомерность изучаемого объекта. Концепция символической власти, разработанная П. Бурдьё, предоставляет инструментарий для анализа механизмов навязывания легитимных категорий восприятия политической реальности [Бурдьё, 2007]. Символическая власть реализуется не через прямое принуждение, но посредством производства и воспроизводства смыслов, определяющих границы допустимого в публичном дискурсе.

Критический дискурс-анализ, представленный работами Т. ван Дейка, фокусируется на идеологических измерениях языковых практик. Дискурс понимается не как нейтральное средство коммуникации, но как поле борьбы за определение социальной реальности [Ван Дейк, 2013, 28]. Доступ к дискурсу всегда ограничен, а сами дискурсивные практики воспроизводят властные отношения даже в условиях декларируемой свободы высказывания. Применительно к цифровой среде это означает необходимость анализа как явных, так и скрытых форм контроля над производством политических смыслов.

Теория медиа М. Маклюэна, выраженная в формуле «средство есть сообщение», позволяет рассматривать технологические характеристики платформ в качестве самостоятельного фактора, структурирующего коммуникацию [Маклюэн, 2003]. Специфика цифровых медиа не сводится к расширению каналов передачи информации, но принципиально меняет способы производства и потребления политического контента. Различия между платформами детерминируют паттерны взаимодействия пользователей и характеристики формируемого дискурса.

Концепция эхокамер К. Санстейна описывает тенденцию к гомогенизации информационной среды и радикализации позиций [Sunstein, 2009]. Российские данные демонстрируют более сложную картину, где эффект эхокамеры сосуществует с практиками межгруппового взаимодействия.

Понятие «доминирующий нарратив» операционализируется через совокупность характеристик. Доминирование определяется не столько количественными параметрами распространения, сколько способностью нарратива структурировать восприятие политических событий широкими социальными группами. Доминирующий нарратив задаёт рамки интерпретации, ограничивая пространство альтернативных смыслов. При этом доминирование не означает монополии: в цифровой среде сосуществуют конкурирующие нарративы, но их влияние на формирование общественного мнения существенно различается.

Структурные компоненты доминирующего нарратива включают: ценностную основу, определяющую критерии оценки политических событий; набор ключевых концептов, через которые артикулируется политическая реальность; типичные сюжетные схемы, организующие последовательность событий; идентификационные маркеры, позволяющие различать «своих» и «чужих». Доминирующие нарративы обладают рекурсивным характером: они не только отражают существующие политические смыслы, но и активно участвуют в их производстве, формируя контекстуальную рамку для интерпретации новых событий [Баринов, 2016, 755].

Специфика российского контекста накладывает определённые ограничения на применение универсалистских теоретических схем. Отношения между государством, медиасферой и цифровым пространством выстраиваются по логике, отличной от либерально-демократической модели публичной сферы. Институциональный контроль сочетается с относительной автономией сетевых коммуникаций, создавая гибридную конфигурацию. Понимание механизмов конструирования нарративов требует учёта этой специфики, а не простого наложения западных концептуальных схем.

Механизмы конструирования доминирующих нарративов

Процесс формирования доминирующих нарративов в цифровой публичной сфере России структурируется несколькими взаимосвязанными механизмами, действующими на различных уровнях социально-политической системы. Эти механизмы не образуют жёсткой иерархии, но

функционируют как взаимодополняющие элементы единой системы производства политических смыслов.

Институциональный уровень

Институциональный механизм конструирования нарративов реализуется через систему формальных и неформальных правил, регулирующих производство и циркуляцию политического контента. Государственные структуры обладают значительным влиянием на формирование повестки дня традиционных СМИ, которые, в свою очередь, определяют контуры «глобального дискурса» [Баринов, 2016, 755]. Несмотря на горизонтальный характер сетевых коммуникаций, социальные медиа воспроизводят символическую власть, сформированную мейнстримными медиаструктурами.

Российская модель регулирования цифрового пространства характеризуется сочетанием правовых норм, административных барьеров и экономического давления. Введение требований к лицензированию, создание профессиональных ассоциаций, контроль над этическими нормами создают рамочные условия для медийной деятельности. Вместе с тем прямое вмешательство государства дополняется практиками самоцензуры и адаптации медийных структур к ожиданиям регулятора. Феномен «дилеммы модератора» проявляется в том, что частные платформы, обладая легитимным правом исключения нарушителей, фактически выступают регуляторами публичной сферы [Мартьянов, Лукьянова, 2023, 247].

Противостояние между интернет-платформами и государственными структурами за «сетевой суверенитет» приобрело системный характер. История блокировки Telegram в 2018 г. демонстрирует сложность согласования единых «правил игры» между международными компаниями и национальными регуляторами. Аналогичные процессы наблюдаются не только в России, но и по всему миру: регулирование TikTok в США, Австралии, Великобритании и ЕС в контексте угроз технологическому суверенитету и иностранных интерференций [Bernot et al., 2024], введение австралийского News Media Bargaining Code, обязывающего платформы договариваться о выплатах местным СМИ [Bossio et al., 2022], имплементация Digital Services Act в Европейском союзе, требующего от платформ прозрачности модерации контента [Drolsbach, Pröllochs, 2024]. Институциональный фактор не только определяет поведение пользователей, но и ограничивает доступ к определённым ресурсам, что оказывает влияние на формирование дискурса и характеристики аудитории платформы. Государственное регулирование трансформирует внутренние практики платформ, алгоритмические процессы и условия доступа к информации, выступая в качестве важного фактора фрагментации глобального цифрового пространства [Baldoni, Di Luna, 2025].

Технологический уровень

Технологические характеристики цифровых платформ выступают самостоятельным фактором, структурирующим паттерны коммуникации и условия производства нарративов. Различия между социальными сетями и мессенджерами определяются не только функционалом, но и базовыми принципами организации информационных потоков. «Смерть Веба» и переход от платформ, основанных на технологии Web 2.0, к «невебовским» решениям сопровождается изменением характера онлайн-коммуникации [Мартьянов, Лукьянова, 2023, 246].

Феномен детекстуализации интернета, проявившийся в переходе от лонгридов к коротким сообщениям, трансформирует способы артикуляции политических позиций. Миниатюризация и визуализация жанров политического дискурса меняют баланс между рациональной аргументацией и эмоциональным воздействием. Применение приёмов народно-площадной смеховой культуры, карнавализация политического дискурса создают специфическую коммуникативную среду, отличную от академического или официального политического языка [Баринов, 2016, 755].

Алгоритмическая логика платформ определяет видимость контента и механизмы его распространения. Системы рекомендаций, основанные на анализе поведенческих паттернов пользователей, создают персонализированные информационные потоки, что усиливает эффект эхокамеры, когда пользователи преимущественно сталкиваются с контентом, подтверждающим их существующие убеждения. Вирусный характер тиражирования информации посредством лайков, репостов и подписок является фактором расширения зоны информационного влияния [Баринов, 2016, 757].

Анонимность цифрового пространства создаёт условия для фейковых страниц и манипулятивных технологий. Многократное дублирование новостей создаёт эффект «социального доказательства», хотя гипертекстуальность позволяет устанавливать источники сообщений и разоблачать дезинформацию.

Дискурсивный уровень

Производство доминирующих нарративов осуществляется через организацию информационного потока, в рамках которого выделяются два типа информации: конъюнктурная (ситуативная) и концептуальная [Баринов, 2016, 755]. Концептуальная информация обладает рекурсивным характером и формирует контекстуальную рамку, оказывающую влияние на обработку данных о текущих политических событиях. Ценностно-политические триггеры становятся механизмом активации и воспроизводства базовых идеологических установок.

Триггер понимается как объект, вызывающий ассоциативную цепочку и порождающий определённую эмоциональную реакцию [Олешкова, Батаков, 2022, 18]. В условиях цифровой медиасферы любое политическое событие может стать триггером, запускающим процесс коллективного производства смыслов. Комментарии пользователей формируют разветвлённую горизонтально-вертикальную структуру, где исходное медиасобытие провоцирует множественные интерпретации, взаимодействующие друг с другом.

Дихотомия сакрального и профанного дискурса позволяет типологизировать способы конструирования политических смыслов. Сакральность, приписываемая триггеру, понимается как «обожествление» или «озлобление» по отношению к медиасобытию [Олешкова, Батаков, 2022, 19]. Сакральное стремится закрепить одно мнение в качестве абсолюта и защитить его любыми средствами, блокируя пространство для его критики. Профанность дискурса, напротив, предполагает выстраивание логических цепочек и объективизацию знания о политических событиях.

Взаимодействие дискурсов в сетевых политических коммуникациях создаёт непрерывный поток медиаконтента. Нарративы, циркулирующие в цифровом пространстве, не являются изолированными, но встроены в более широкий дискурсивный контекст, создаваемый

традиционными СМИ. Фактор паблика – формируемые одной редакцией повестка дня и содержание на разных платформах – оказывает более заметное влияние, чем специфика самой платформы [Мартьянов, Лукьянова, 2023, 248], т.е. доминирующие нарративы обладают кросс-платформенным характером, воспроизводясь с вариациями в различных сегментах цифрового пространства.

Сообщественный уровень

Виртуальные сообщества выступают коллективными субъектами производства и воспроизводства нарративов. Коммуникативные практики, сложившиеся в тех или иных группах, определяют характер дискурса. Противопоставление «публики» и «сообщества», восходящее к дихотомии Ф. Тённиса *gesellschaft* и *gemeinschaft*, фиксирует различие между рациональной гетерогенной коммуникацией и эмоциональной гомогенной [Мартьянов, Лукьянова, 2023, 248].

Гомогенность виртуальных сообществ создаёт условия для радикализации политических позиций, т.к. механизм эхокамеры усиливается практиками исключения инакомыслящих через блокировку, троллинг и навешивание ярлыков на оппонентов. Пользователи социальных сетей выступают не только потребителями, но и соавторами контента, активно участвуя в производстве политических смыслов через комментирование, полемику и создание авторских текстов. Согласно социологическим данным, 42% пользователей делятся информацией только с близкими людьми, треть опрошенных – с теми, кого лично знают [Баринов, 2016, 756], что создаёт условия для циркуляции нарративов в замкнутых группах.

Структура сетевых сообществ демонстрирует существенные различия в зависимости от идеологической ориентации, что влияет на эффективность распространения нарративов и мобилизационный потенциал различных политических сегментов цифрового пространства [Мартьянов, Лукьянова, 2023].

Типология доминирующих нарративов

На основе синтеза эмпирических данных из рассмотренных источников [Мартьянов, Лукьянова, 2023; Олешкова, Батаков, 2022] и критического анализа российской цифровой публичной сферы представляется возможным выделить несколько типов доминирующих нарративов, структурирующих политический дискурс. Предлагаемая типология строится на основании ценностных оснований и идентификационных маркеров, определяющих границы политических сообществ.

Патриотический дискурс, который, согласно эмпирическим данным, является наиболее распространённым типом нарративов в российском цифровом пространстве [Мартьянов, Лукьянова, 2023, 257], артикулирует ценности государственности, суверенитета и стабильности. Ключевыми концептами выступают защита от внешних угроз, традиционные основы, противостояние «коллективному Западу». Исторические референции к победе в Великой Отечественной войне, имперскому прошлому служат символическим ресурсом легитимации. Внутри этого дискурса наблюдаются вариации от лоялистских до критических позиций, различающихся в оценке эффективности конкретных политических решений при разделении базовой ценностной матрицы.

Сравнительный анализ медиадискурса показывает специфику российского патриотического нарратива. «В российском случае международная повестка характеризуется доминированием риторики угроз, безопасности и военного дискурса» [Попова и др., 2025, 263]. Более того, «термин "цифровой суверенитет" используется как проявление гегемонизма: в России - политическая мощь и противопоставление доминирующей роли США» [Попова и др., 2025, 264]. Эта логика экстраполируется на формирование политического мейнстрима в целом, где суверенитет понимается не только в технологическом, но и в широком геополитическом смысле.

Акторная структура производства патриотического дискурса характеризуется доминированием государственных институтов. «В российских медиа чаще выступают представители государственных структур, среди которых больше депутатов и сенаторов, чем чиновников. Первые говорят о внешних угрозах, иностранных разведках и недобросовестных цифровых корпорациях, вторые - о защите от зарубежных компаний» [Попова и др., 2025, 264]. Эта дифференциация ролей создаёт многоуровневую систему легитимации доминирующего нарратива, где различные государственные акторы воспроизводят базовые ценностные установки через специфические тематические фокусы.

Прозападный дискурс, представленный в значительно меньшем объёме [Мартьянов, Лукьянова, 2023, 257], выстраивается вокруг ценностей европейской интеграции, прав человека, демократических процедур. Критика авторитаризма, коррупции, ограничений свободы слова составляет ядро этого дискурса. В условиях специальной военной операции влияние данного нарратива в русскоязычном сегменте цифрового пространства существенно сократилось, что связано как с институциональными ограничениями, так и с изменением общественных настроений.

Критический дискурс занимает промежуточную позицию. Его фокус направлен на проблемы внутренней политики, социально-экономические вопросы, критику отдельных представителей власти без радикального отрицания всей системы в целом. Обывательский и потребительский дискурсы, фокусирующиеся на повседневности и развлечениях, доминируют в значительной части цифрового пространства [Мартьянов, Лукьянова, 2023, 257]. Деполитизация публичной коммуникации выступает функциональным элементом поддержания стабильности, переводя внимание аудитории от острых политических вопросов к безопасным темам.

Контекстуальные факторы российской цифровой публичной сферы

Конструирование доминирующих нарративов в российской цифровой публичной сфере определяется комплексом контекстуальных факторов, отличающих её от западных моделей. Историческая траектория развития политической системы, особенности взаимодействия государства и общества, характер медиасферы создают уникальную конфигурацию, не укладывающуюся в универсалистские концептуальные схемы.

Кризис западного мейнстрима, описанный в работах В.С. Мартьянова, проявляется в ослаблении убедительности либерально-демократических категорий для описания глобальной политической реальности [Мартьянов, 2021, 112]. Конец истории оказался началом конца глобальной иерархии политических понятий, в центре которой помещались общества,

идентифицирующие себя как рыночные либеральные демократии. Парадокс состоит в том, что сама либеральная демократия перестаёт быть нормой, превратившись в специфический идеал политического устройства, всё менее достижимый даже в западных обществах.

Российский политический дискурс выстраивается в условиях понятийной борьбы за альтернативные описания как современности, так и нормы. Концепции неопатримониализма, рентного общества, нефеодализма предлагают инструментарий для анализа, не вписывающийся в бинарные оппозиции демократия/авторитаризм, современность/архаика. Усиление рентно-сословных принципов стратификации, периферизация рыночно-демократических нарративов в дискурсе легитимации власти отражают глобальные тенденции, получающие специфическое выражение в российском контексте [Мартьянов, 2021, 113].

Гибридность российской политической системы проявляется в сочетании формально демократических институтов с практиками концентрации власти. Цифровая публичная сфера отражает эту гибридность: существование относительно автономных пространств обсуждения соседствует с механизмами контроля и ограничения. Модель управляемого плюрализма предполагает допустимость ограниченной критики при сохранении базовых параметров политического порядка. Доминирующие нарративы структурируются вокруг этого баланса, легитимируя существующую систему через дискурсы стабильности, суверенитета, защиты от внешних угроз.

События специальной военной операции радикально трансформировали конфигурацию цифровой публичной сферы [Мартьянов, 2022, 20]. Поляризация политических позиций, ужесточение регулирования, блокировка ряда зарубежных платформ изменили условия производства и циркуляции нарративов. Патриотический дискурс различных оттенков стал доминирующим в русскоязычном сегменте социальных сетей [Анкудинов, 2024, 154], тогда как западнические нарративы сместились в мессенджеры и зарубежные платформы. Кибербалканизация, ранее проявлявшаяся преимущественно в различиях национальных сегментов интернета, усилилась внутри русскоязычного пространства [Мартьянов, 2022, 28].

Роль лидеров мнений – инфлюенсеров, обладающих высоким социальным статусом, – возросла в условиях фрагментации информационного поля [Анищенко, 2024, 37]. Способность оказывать влияние на восприятие информации широкими аудиториями превращает инфлюенсеров в ключевых субъектов конструирования нарративов. Социальное поведение сетевых акторов вызывает определённые последствия уже не только в виртуальном, но и в реальном политическом пространстве, стирая границу между онлайн и офлайн активностью [Анищенко, 2024, 40].

Конкретные кейсы позволяют продемонстрировать механизмы конструирования доминирующих нарративов в действии. Анализ комментариев в сообществе «Комсомольская правда» в социальной сети «ВКонтакте» по итогам выборов в Государственную думу 2021 г. выявил четыре основные группы пользователей [Олешкова, Батаков, 2022, 20]. Первая группа артикулировала нарратив фальсификации выборов, вторая поддерживала легитимность результатов, третья была представлена ботами и троллями, четвёртая формировала вспомогательные комментарии, развивающие ассоциативные цепочки.

Анализ выборов 2021 г. показал преобладание сакрального дискурса над профанным. Сакрализация политических событий проявлялась в категоричных оценках, эмоциональной насыщенности высказываний, отказе от критического анализа. Вместе с тем необходимо учитывать релятивность дихотомии «сакральный – профанный» с учётом возможного

троллинга и активности ботов в сетевом сообществе [Олешкова, Батаков, 2022, с. 19]. Значительная часть комментариев может не отражать искренние позиции пользователей, но быть результатом организованных кампаний по формированию видимости общественного мнения.

Кросс-платформенное исследование политического дискурса в «ВКонтакте» и Telegram в условиях специальной военной операции продемонстрировало существенные различия [Мартьянов, Лукьянова, 2023]. Социальная сеть «ВКонтакте» показала большее лексическое разнообразие по сравнению с мессенджером. Кластерный анализ выявил тематически противопоставленные группы сообществ, структурирующиеся вокруг различных идентификационных маркеров. Специфика идентификации политических «врагов» варьировалась в зависимости от платформы, отражая влияние медийного и институционального факторов.

Гомогенность и диалогичность дискурса различаются в зависимости от типа виртуального сообщества. Анализ показал преобладание гомогенной коммуникации как в «ВКонтакте», так и в Telegram [Мартьянов, Лукьянова, 2023, 256]. При этом гетерогенность аудитории в условиях СВО, как правило, означает не формирование классической публичной сферы, а скорее дискурс «гражданской войны» в комментариях, характеризующийся повышенной эмоциональностью и большим количеством оскорблений. Эта динамика создаёт различные условия для формирования и воспроизводства доминирующих нарративов в различных сегментах цифрового пространства.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько взаимосвязанных выводов относительно конструирования доминирующих нарративов в российской цифровой публичной сфере. Процесс формирования политических смыслов не сводится ни к тотальному контролю со стороны государственных институтов, ни к спонтанному самовыражению автономных сетевых сообществ, но представляет собой результат взаимодействия множественных факторов на различных уровнях социально-политической системы.

Институциональный механизм задаёт рамочные условия производства дискурса через систему формальных и неформальных правил. Технологические характеристики платформ структурируют паттерны коммуникации, определяя форматы артикуляции политических позиций. Дискурсивные практики обеспечивают воспроизводство базовых идеологических установок через механизм ценностно-политических триггеров. Сообщественная динамика создаёт условия для радикализации или, напротив, умеренности политических взглядов в зависимости от степени гомогенности группы.

Российская специфика определяется не отклонением от универсальной западной нормы, но укоренённостью в собственной исторической траектории и контекстуальных условиях. Гибридность политической системы, кризис западного мейнстрима, поляризация в условиях геополитического противостояния формируют уникальную конфигурацию цифровой публичной сферы. Доминирующие нарративы, циркулирующие в российском сегменте, отражают эту специфику, легитимируя существующий политический порядок через дискурсы суверенитета, стабильности, защиты от внешних угроз.

Теоретическая значимость исследования связана с развитием концептуального аппарата для анализа политических коммуникаций в незападных контекстах через интеграцию критического

дискурс-анализа, теории символической власти и концепции медиа. Практическая значимость определяется возможностью применения выявленных механизмов для анализа политических кейсов и прогнозирования динамики общественного мнения.

Ограничения исследования связаны с динамичностью изучаемого объекта. Цифровая публичная сфера быстро эволюционирует под воздействием технологических инноваций и политических изменений. Выводы, справедливые для текущего момента, могут требовать корректировки с учётом трансформации институциональной среды и появления новых платформ. Кроме того, фокус на русскоязычном сегменте ограничивает возможности обобщения на другие национальные контексты.

Перспективы дальнейших исследований включают несколько направлений. Необходим систематический сравнительный анализ механизмов конструирования нарративов в различных национальных сегментах цифрового пространства для выявления универсальных закономерностей и специфических особенностей. Лонгитюдные исследования позволят проследить динамику доминирующих нарративов в условиях политических трансформаций. Углублённое изучение роли алгоритмов рекомендательных систем в формировании информационных пузырей представляет отдельный исследовательский интерес. Анализ взаимосвязи онлайн и офлайн форм политической активности может прояснить механизмы трансляции виртуальных дискурсов в реальные политические действия.

Библиография

1. Анищенко А.В. Политическое участие и цифровые коммуникации россиян после начала СВО: особенности и основные формы // Наука. Культура. Общество. – 2024. – Т. 30, № 4. – С. 36–51.
2. Анкудинов И.А. Патриотический дискурс в Рунете: до и после 24 февраля 2022 г. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – № 2. – С. 153–177.
3. Баринов Д.Н. Политический дискурс в социальных медиа: специфика производства и факторы эффективности // Политика и общество. – 2016. – № 6 (138). – С. 755–768.
4. Бурдьё П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
5. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
6. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2003. – 464 с.
7. Мартынов В.С. В поисках другого мейнстрима // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 112–131.
8. Мартынов Д.С. Трансформация виртуальной публичной сферы в условиях специальной военной операции // Южно-российский журнал социальных наук. – 2022. – Т. 23, № 3. – С. 20–32.
9. Мартынов Д.С., Лукьянова Г.В. Кросс-сетевой фактор политического дискурса виртуальных сообществ // Политэкс. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 244–263.
10. Олешкова А.М., Батаков К.Р. Ценностно-политический триггер в российской медиасфере (на примере выборов в Государственную думу 2021 г.) // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 2. – С. 17–22.
11. Попова Е.В., Устюжанцева О.В., Гао Х. Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 251–266.
12. Baldoni R., Di Luna G.A. Sovereignty in the digital era: the quest for continuous access to dependable technological capabilities // arXiv preprint. – 2025. – arXiv:2503.10140.
13. Bernot A., Cooney-O'Donoghue D., Mann M. Governing Chinese technologies: TikTok, foreign interference, and technological sovereignty // Internet Policy Review. – 2024. – Vol. 13, Iss. 1.
14. Bossio D., Flew T., Meese J., Leaver T., Barnet B. Australia's News Media Bargaining Code and the global turn towards platform regulation // Policy & Internet. – 2022. – Vol. 14, Iss. 1. – P. 136–150.
15. Drolsbach C.P., Pröllochs N. Content Moderation on Social Media in the EU: Insights From the DSA Transparency Database // WWW '24: Companion Proceedings of the ACM Web Conference 2024. – 2024. – P. 939–942.
16. Sunstein C. Republic.com 2.0. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – 272 p.

Construction of Dominant Narratives in the Digital Public Sphere of Russia

Mikhail E. Brun

Postgraduate Student, Faculty of Political and Social Sciences,
Russian State Social University,
129226, 4/1, Vilgelma Pika str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: brun.mihail@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the mechanisms of constructing dominant narratives in the Russian digital public sphere as a result of the interaction of multiple actors: state institutions, media structures, and virtual communities. The relevance of the work is determined by the contradiction between the declared horizontality of network interaction and the real mechanisms of reproducing dominant meanings in the context of digitalization of political communication. In contrast to the analysis of state co-optation, the focus is shifted to the overall ecology of the production of political meanings. The aim of the study is to identify and systematize the mechanisms of constructing dominant narratives, taking into account institutional, technological, discursive, and community factors. The methodological framework integrates P. Bourdieu's concept of symbolic power, T. van Dijk's critical discourse analysis, and M. McLuhan's media theory. As a result of the analysis, four interrelated levels of narrative construction are identified: institutional (platform regulation and legal restrictions), technological (algorithmic logic and the decontextualization of the internet), discursive (organization of information flow and value-political triggers), and community (practices of virtual communities as co-authors of content). A typology of dominant narratives in the Russian digital public sphere is proposed: patriotic, pro-Western, critical, and philistine discourses. It is shown that Russian specificity is determined by the hybridity of the political system, the special role of state regulation, and the transformation of the digital public sphere in the context of geopolitical confrontation. The obtained results can be used to analyze specific political cases and predict the dynamics of public opinion in the digital space.

For citation

Brun M.E. (2026) Konstruirovaniye dominiruyushchikh narrativov v tsifrovoy publichnoy sfere Rossii [Construction of Dominant Narratives in the Digital Public Sphere of Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (2A), pp. 5-16. DOI: 10.34670/AR.2026.28.36.001

Keywords

Dominant narratives, digital public sphere, political discourse, symbolic power, virtual communities, social media.

References

1. Anishchenko, A.V. (2024). Politicheskoye uchastiye i tsifrovyye kommunikatsii rossiyan posle nachala SVO [Political participation and digital communications of Russians after the start of the SMO]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 30(4), 36–51.

2. Ankudinov, I.A. (2024). Patrioticheskiy diskurs v Runete: do i posle 24 fevralya 2022 g. [Patriotic discourse in Runet: before and after February 24, 2022]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, (2), 153–177.
3. Baldoni, R., & Di Luna, G.A. (2025). Sovereignty in the digital era: the quest for continuous access to dependable technological capabilities. *arXiv preprint*, arXiv:2503.10140.
4. Barinov, D.N. (2016). Politicheskiy diskurs v sotsialnykh media: spetsifika proizvodstva i faktory effektivnosti [Political discourse in social media: production specifics and effectiveness factors]. *Politika i obshchestvo*, (6), 755–768.
5. Bernot, A., Cooney-O'Donoghue, D., & Mann, M. (2024). Governing Chinese technologies: TikTok, foreign interference, and technological sovereignty. *Internet Policy Review*, 13(1).
6. Bossio, D., Flew, T., Meese, J., Leaver, T., & Barnet, B. (2022). Australia's News Media Bargaining Code and the global turn towards platform regulation. *Policy & Internet*, 14(1), 136–150.
7. Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteyya.
8. Drolsbach, C.P., & Pröllochs, N. (2024). Content Moderation on Social Media in the EU: Insights From the DSA Transparency Database. In *WWW '24: Companion Proceedings of the ACM Web Conference 2024* (pp. 939–942).
9. Martyanov, D.S. (2022). Transformatsiya virtualnoy publichnoy sfery v usloviyakh spetsialnoy voyennoy operatsii [Transformation of the virtual public sphere under conditions of the special military operation]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk*, 23(3), 20–32.
10. Martyanov, D.S., & Lukyanova, G.V. (2023). Kross-setevoy faktor politicheskogo diskursa virtualnykh soobshchestv [Cross-network factor of political discourse of virtual communities]. *Politeks*, 19(2), 244–263.
11. Martyanov, V.S. (2021). V poiskakh drugogo meynstrima [In search of another mainstream]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, (4), 112–131.
12. McLuhan, M. (2003). *Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding media]. Moscow: Kuchkovo pole.
13. Oleshkova, A.M., & Batakov, K.R. (2022). Tsennostno-politicheskiy trigger v rossiyskoy mediasfere (na primere vyborov v Gosudarstvennyuyu dumu 2021 g.) [Value-political trigger in the Russian media sphere (on the example of the 2021 State Duma elections)]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, (2), 17–22.
14. Popova, E.V., Ustyuzhantseva, O.V., & Gao, H. (2025). Konstruirovaniye tsifrovogo suvereniteta v media Rossii i Kitaya: analiz bolshikh dannykh [Constructing digital sovereignty in Russian and Chinese media: big data analysis]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 25(2), 251–266.
15. Sunstein, C. (2009). *Republic.com 2.0*. Princeton: Princeton University Press.
16. Van Dijk, T.A. (2013). *Diskurs i vlast: Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".